

И.К. Кондратьев

**Историческое описание
Киево-Печерской лавры в г.
Киеве**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И.К. Кондратьев**
Историческое описание Киево-Печерской лавры в г. Киеве / И.К. Кондратьев –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 48 с.

ISBN 978-5-518-06655-7

ISBN 978-5-518-06655-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

принятію священнаго сана. И съ тѣхъ поръ у насъ, на Руси, начало водворяться христіанство и стали созидаться монашескія обители и православные монастыри. Много на построение этихъ монастырей израсходовано было княжеской казны; князья и бояре не жалѣли для этого никакихъ расходовъ и много создалось обширныхъ и богатыхъ обителей; но не было лучше и краше тѣхъ, которыя создались не княжеской казной, а постомъ, молитвою, трудами и бдѣніемъ самихъ смиренныхъ иноковъ, въ потѣ лица трудившихся въ темныхъ и малыхъ келіяхъ. Столь славная и знаменитая нынѣ Кіево-Печерская обитель создавалась трудами именно такихъ смиренныхъ иноковъ.

Когда прошло 50 лѣтъ послѣ крещенія Руси, въ то время въ городахъ и селахъ было уже много русскихъ священниковъ, а въ Кіевѣ было уже два мужскихъ монастыря— Михайловскій и другой во имя св. Георгія, одинъ женскій во имя св. Ирины и много великозпныхъ храмовъ.

Въ это время близъ Кіева, въ селѣ Берестовѣ, былъ священникомъ русскій человекъ Илларионъ. Онъ былъ, какъ говоритъ о немъ лѣтописецъ Несторъ, „мужъ благъ, книженъ и постникъ“. Онъ весьма любилъ уединеніе и часто уходилъ изъ Берестова на Днѣпръ, на холмъ, и тутъ, въ густомъ лѣсу молился. о Побычаю того вѣка, онъ для молитвы выкопалъ себѣ маленькую пещеру, въ двѣ сажени. И такъ онъ трудился здѣсь нѣсколько лѣтъ; молва объ его молитвенныхъ подвигахъ распространилась въ окрестности. Въ это время великимъ княземъ въ Кіевѣ былъ Ярославъ. Илларионъ своими трудами и строгою постническою жизнью обратилъ на себя вниманіе набожнаго князя Ярослава. Ярославъ полюбилъ его и сдѣлалъ митрополитомъ въ Кіевѣ, а пещерка такъ и осталась. И отъ этой-то небольшой пещерки суждено было, по усмотрѣнію Божію, создаться великой и обширной Кіево-Печерской лавры. Черезъ три года умеръ князь Ярославъ и ему не пришлось видѣть основаніе Кіево-Печерскаго монастыря. Основаніе это произошло слѣдующимъ образомъ:

Нѣсколько времени спустя послѣ смерти Ярослава, одинъ человекъ изъ города Любеча, который находился въ Чер-

ниговской области, пошолъ странствовать по святымъ мѣстамъ. Прежде всего онъ направился внизъ по Днѣпру, къ православной Греціи, гдѣ въ то время уже славилась своими монастырями и строгой монашеской жизнью св. славная гора Аѳонъ. Тамъ много жило иноковъ въ строгомъ постѣ, въ молитвѣ и уединеніи. Далеко распространилась слава про ихъ строгую подвижническую жизнь. И вотъ идетъ этотъ человѣкъ изъ города Любеча, пробираясь къ Аѳонской горѣ, и не страшится никакой опасности. Сильно ему захотѣлось посмотрѣть на отшельниковъ Аѳонской горы и самому поучиться у нихъ постническому житію; а опасностей на пути ему предстояло много.

Едва лишь успѣешь подойти къ Днѣпровскимъ порогамъ, которые находятся въ сорока четырехъ верстахъ ниже Кіева, неизбежно было встрѣтиться съ печенѣгами, которые любили здѣсь поджидать торговля суда, чтобы воспользоваться богатою добычей. Чѣмъ дальше идти по берегу, тѣмъ скорѣе можно встрѣтить смерть. Но какъ ни велика была опасность въ пути, а сила душевная, упованіе на Бога и желаніе побывать на Аѳонѣ были сильнѣе въ душѣ любечанина и онъ безтрепетно шолъ впередъ.

Много бѣдъ и лишеній перенесъ онъ на пути, наконецъ его желанія увѣнчались успѣхомъ—онъ увидалъ св. Аѳонскую гору и обрадовался. Онъ обошелъ все монастыри на Аѳонѣ, видѣлъ Аѳонскихъ иноковъ, которые, обращаясь съ любовію къ каждому проходящему, плѣнили кротостію душу русскаго человѣка; захотѣлось и ему вести подобную имъ жизнь, захотѣлось потрудиться для Бога, посвятить себя молитвамъ за грѣшный людской родъ, и онъ попросилъ игумена одного изъ монастырей постричь его въ иноческій санъ. Игуменъ охотно постригъ его и наименовалъ Антоніемъ. При постриженіи игуменъ благословилъ его и сказалъ: «иди въ Россію — пусть будетъ на тебѣ благословеніе св. горы и пусть отъ тебя размножатся монахи на Руси». И пошолъ Антоній обратно по дорогѣ въ Россію. Черезъ нѣсколько времени онъ пришолъ въ Кіевъ и сталъ ходить по Кіевскимъ монастырямъ, отыскивая, гдѣ бы ему поселиться. Но не по душѣ ему было въ Кіев-

скихъ монастыряхъ, такъ какъ онъ крѣпко любилъ тишину и уединеніе, и онъ не остался ни въ одномъ изъ Кіевскихъ монастырей: такъ, видно, Богу угодно было.

Въ это время, какъ уже сказано, былъ въ Кіевѣ митрополитомъ Иларіонъ, который возведенъ былъ въ этотъ санъ княземъ Ярославомъ въ 1051 году. Много заботъ и трудовъ было митрополиту Иларіону въ Кіевѣ и его двухсаженная пещера оставалась пустою.

Антоній инокъ пришолъ къ тому мѣсту и нашолъ эту пещеру. Полюбилось ему это тихое, пустынное мѣсто, гдѣ не было слышно говора людскаго, и поселился онъ въ пещерѣ Иларіона. «Пусть утвердитъ меня Господь на этомъ мѣстѣ и пусть на немъ будетъ благословеніе святой горы», думалъ Антоній, оставаясь въ пещерѣ на жительство. Мѣсто это было спокойное: не видно здѣсь чело-вѣка, не слышно никакого шума и никто не мѣшаетъ Антонію въ его подвижнической жизни. Но тяжела была его подвижническая жизнь: онъ жилъ въ строгомъ постѣ и молитвѣ и въ непрестанныхъ трудахъ; въ одинъ сухой хлѣбъ и то черезъ день, и даже самую воду пилъ умѣренно. Онъ все продолжалъ копать пещеру, не давая себѣ отдыха ни днемъ, ни ночью. Но недолго пришлось Антонію пользо-ваться уединенною жизнію. Не скрылъ его отъ людей тем-ный лѣсъ, окружавшій пещеру. По слову Спасителя: «какъ свѣтильникъ, стоящій вверху горы, не можетъ укрыться отъ глазъ», такъ и жизнь праведнаго Антонія не могла укрыться отъ людей. Узнали русскіе люди про великаго подвижника, жившаго подъ Кіевомъ, въ глухомъ лѣсу, на берегу Днѣпра, и стали приходять къ нему за благосло-веніемъ, принося ему все нужное. Онъ сдѣлался такъ из-вѣстенъ, что Кіевскій князь Изяславъ, который вступилъ на престолъ послѣ смерти Ярослава, посвятилъ его съ своей дружиною, прося благословенія. Послѣ того повсю-ду—и въ бѣдной въ хатѣ, и княжескомъ теремѣ—стали рассказывать про жизнь великаго чело-вѣка. Захотѣлось тогда многимъ раздѣлить со святымъ Антоніемъ его под-вижническую жизнь и приходилъ эти люди къ Антонію, про-ся его дозволить имъ пожить съ нимъ и поучиться отъ него

подвижнической жизни. Антоній хотя крѣпко любилъ тишину и уединеніе, но не отказывалъ приходившимъ къ нему. Такъ мало-по-малу стала собираться къ Антонію братія для иноческой жизни. Прежде всѣхъ пришолъ къ Антонію и поселился съ нимъ вѣкій священникъ о. Никонтъ. Неизвѣстно, кто онъ былъ родомъ, но будучи въ санѣ священника, постригалъ, по приказанію о. Антонія, тѣхъ, кто приходилъ къ нимъ для иноческаго житія. Вслѣдъ за о. Никонтомъ и прежде всѣхъ другихъ иноковъ къ преподобному Антонію пришолъ 17-лѣтній юноша Θεодосій.

Съ самаго ранняго дѣтства Θεодосій возлюбилъ смиренную богоугодную жизнь. Много огорченій пришлось испытать ему прежде, чѣмъ пришолъ онъ къ препод. Антонію. Его дѣтская мизнь протекла въ городѣ Василевѣ, недалеко отъ Кіева. Родители его были люди богатые и знатные, были благочестивы и добры; они и сына своего старались сдѣлать такимъ же добрымъ и хорошимъ, но мальчикъ Θεодосій удивлялъ ихъ своимъ обширнымъ умомъ и своимъ страннымъ поведеніемъ: не имѣлъ онъ между своими сверстниками-дѣтьми товарищей, не любилъ онъ играть съ ними и забавляться, не любилъ также и одѣваться богато и нарядно, его видѣли постоянно въ одеждѣ худой, заплатанной, не слушался онъ матери, когда та, принарядивъ его, заставляла играть съ товарищами. Всѣ эти поступки часто огорчали родителей его. Но вотъ наступило время и Θεодосія отдали учиться грамотѣ. Онъ оказался весьма способнымъ ученикомъ и быстро выучивался всему, чему только его учили; а учили тогда не многому: умѣть мальчикъ читать церковныя книги, да выводить хорошо славянскія буквы—и ученіе считалось оконченнымъ для мірскаго человѣка, а Θεодосій всему этому научился изрядно, подлюбилъ онъ всей душою Божественныя книги и постоянно былъ готовъ слушать и читать ихъ. Одна только и была у него радость: уйти въ церковь, стоять тамъ и слушать чтеніе Божественныхъ книгъ. Только въ церкви и быть онъ спокоенъ и веселъ; когда же онъ возвращался домой, то здѣсь ожидала его недовольная имъ и поступками его мать. Она крѣпко любила сво-

его сына, но не могла понять его высоких стремлений, его боговдохновенных душевных наклонностей. Ей неприличнымъ казалось, какъ это сынъ ея, изъ такой богатой и знатной семьи, какъ была ихъ семья, ходить въ заплатанномъ платьѣ, да еще пойдетъ, бывало, вмѣстѣ съ работниками въ поле и работаетъ тамъ наравнѣ съ ними: а то возьмется просвиры печь для церкви и ходить всегда ненарядный, словно простой работникъ.

Мать его тоже была жѣнщина богобоязненная, а все-таки думала про сына: „конечно, просвиры нужны для церкви, да все же сыну моему не стать заниматься этимъ дѣломъ“. И часто она уговаривала сына бросить это дѣло, иногда и побронить его, а иной разъ и прибѣтъ, благосильна была, „аки мужчина“. Θεодосій, терпя подобныя оскорбленія, иногда говорилъ матери: «послушай меня, мать, вспомни Господа и вспомни, что Онъ сдѣлалъ для нашего спасенія. Вѣдь Его корили, на Него плевали, заушали и били Его, а Онъ все терпѣлъ ради насъ. Тебѣ не нравится, что надо мной издѣваются, смѣются, когда я готовлю просвиры; а чѣмъ мое дѣло нехорошо? О моемъ дѣлѣ я скажу тебѣ вотъ что: Господь возлежалъ на вечери съ учениками своими, тогда взялъ хлѣбъ, благословилъ, преломилъ его и сказалъ: «примите, ядите, сие есть тѣло Мое, еже за вы молимое во оставленіе грѣховъ». Если самъ Господь назвалъ хлѣбъ Своею плотію, то какъ же мнѣ не дѣлать такого хлѣба съ радостію?»

Мать много дивилась уму своего сына, но все-таки по временамъ продолжала давать ему выговоры и наставленія. И вотъ въ глубинѣ души Θεодосія созрѣла мысль покинуть родной городъ и уйти куда-нибудь въ глушь, гдѣ бы можно въ уединеніи молиться. Онъ часто разговаривалъ со странниками, проходившими городомъ изъ Кіева и въ Кіевъ. Отъ нихъ онъ узналъ о святыхъ мѣстахъ, о монастыряхъ Кіевскихъ и много разныхъ рассказовъ о святыхъ людяхъ. Сильно захотѣлось ему увидать все это и самому сдѣлаться инокомъ. Однако не скоро удалось ему исполнить свое завѣтное желаніе. Мать постоянно останавливала его. Наконецъ ему удалось уйти изъ род-

ного города и онъ пробрался прямо въ Кіевъ. Увидалъ онъ здѣсь монастыри, которые давно были знакомы ему по рассказамъ странниковъ; но нигдѣ въ Кіевскихъ монастыряхъ не хотѣли принять Θεодосія; всѣ судили о немъ по его худой одеждѣ и по простому виду. Тогда услыхалъ Θεодосій про св. Антонія. Онъ пошелъ къ нему и былъ принятъ св. Антоніемъ. Такова была прежняя жизнь Θεодосія.

Теперь же, живя съ Антоніемъ и Никономъ, онъ сталъ имъ ревностнымъ помощникомъ и подражателемъ ихъ постнической жизни. И жили такимъ образомъ три отшельника вмѣстѣ, работая и молясь Богу. Приходили къ нимъ русскіе люди изъ Кіева и другихъ городовъ посмотрѣть, какъ живутъ святые люди, поучиться ихъ житію и принять отъ нихъ благословеніе.

Изъ Кіева часто приходилъ къ нимъ сынъ знатнаго княжескаго боярина Іоанна. Юноша крѣпко полюбилъ этихъ подвижниковъ. Ему хотѣлось и самому сдѣлаться инокомъ лишь-бы жить постоянно вмѣстѣ и трудиться. Св. Антоній долго уговаривалъ юношу не мѣнять жизни вельможи на трудовую монашескую жизнь; но ничто не могло смутить юношу. Какъ-то разъ явился онъ къ нимъ на богато украшенномъ конѣ, въ богатой одеждѣ, а за нимъ была великолѣпная свита. Подвижники встрѣтили сына вельможи. Юноша сошелъ съ коня, снялъ съ себя дорогую одежду и сказалъ преподобному Антонію, что отрекается отъ всей этой роскоши. Онъ опять началъ просить Антонія постричь его въ инокъ. «Смотри, помни, кому ты общаешься, чѣмъ воинъ ты хочешь быть, чтобы послѣ самому не тужить о покинутымъ тобою мірѣ», говорилъ Антоній юношѣ. По приказанію Антонія, св. Никонъ постригъ юношу. Его назвали Варлаамомъ.

Почти въ одно время съ Варлаамомъ и другой бояринъ, княжій слуга, захотѣлъ постричься; онъ былъ принятъ Антоніемъ и въ постриженіи названъ Ефремомъ.

Дошелъ слухъ до князя, что его бояре постригаются въ монашество. Бояринъ Іоаннъ, отецъ Варлаама, разсерженный поступкомъ сына, требовалъ отъ князя примѣрнаго наказанія монаховъ; они, какъ ему казалось, отня-

ли у него сына. Князь призвалъ къ себѣ Никона, постригавшаго Варлаама.

— Съ чьего позволенія постригъ ты сына боярина Иоанна? грозно спросилъ Никона князь.

— Я постригъ его съ позволенія нашего Царя Небснаго, Иисуса Христа,—кратко отвѣчалъ тотъ.

— Ты постригъ его, ты же долженъ возвратитъ его отцу. Уговори его, чтобы онъ снялъ съ себя иноческую одежду. Если же ты этого не сдѣлаешь,—сказалъ князь,—я пошлю всѣхъ васъ въ заточеніе.

— Какъ тебѣ угодно, такъ ты князь и дѣлай, а мнѣ неприлично отвращать слугъ Христовыхъ отъ служенія Господу,—отвѣчалъ Никонъ.

Собрались иноки въ путь и ужъ были въ дорогѣ; но имъ не дали отойти далеко. Супруга князя уговорила его возвратитъ ихъ съ пути къ заточенію, угрожая, что въ противномъ случаѣ несчастіе постигнетъ князя. Тогда возвратились иноки опять въ свою пещеру. Но этимъ не кончились ихъ бѣдствія. Еще много горя они приняли, когда отецъ Варлаама самъ пришелъ за сыномъ. Отецъ насильно снялъ съ Варлаама иноческую одежду. Она брошена была въ грязь; Варлаама одѣли въ богатую одежду, но онъ снялъ ее; на него опять надѣли богатое платье; а чтобы онъ не снималъ его, связали ему руки и повели такъ по городу. Въ отцовскомъ домѣ ждали Варлаама мать и молодая жена. Посадили его за богато убранный столъ. Молчаливо сидѣлъ святой Варлаамъ и не дотронулся до пищи. Ни ласки, ни слезы жены не тронули Варлаама. Три дня сидѣлъ онъ въ отцовскомъ домѣ безъ ѣды, безъ питья и не говорилъ ни слова. Сжалился тогда отецъ и отпустилъ сына. Цѣлый домъ провожалъ Варлаама со слезами. Радъ былъ Варлаамъ, рады были отшельники, когда всѣ въ пятеромъ опять соединились.

Такъ съ горемъ и съ нуждой начиналась обитель. Число иноковъ увеличивалось все болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ этимъ увеличивался и трудъ ихъ. Они вырыли большую пещеру. Въ ней были сдѣланы церковь и келья для каждаго инока, а всѣхъ ихъ собралось уже болѣе двѣ-

надцати, не считая Никона, ушедшаго въ Туркестанъ, и Ефрема, отправившагося въ Царьградъ. Когда собралось уже столько братіи, Антоній захотѣлъ опять жить уединенно. „Вотъ братія“, — сказалъ Антоній, — „Богъ совокупилъ васъ по благословенію святой горы. Это благословеніе я принесъ отъ святой горы. Я же васъ и постригъ. Живите теперь сами по себѣ. Я поставлю вамъ игумена, а самъ пойду на другую гору; я уже и прежде привыкъ уединяться“. И поставилъ онъ игумена Варлаама, а самъ пошелъ и выкопалъ себѣ пещеру на сосѣдней горѣ.

И стали жить подвижники съ своимъ игуменомъ Варлаамомъ въ своихъ пещерахъ. Только тѣсно было имъ жить тамъ. Захотѣлось имъ хоть церковь поставить внѣ пещеры. Пошли они къ св. Антонію и сказали ему: „отче, братія такъ размножилась, что нельзя помѣститься въ пещерѣ. Да будетъ повелѣніе Божіе и твоя молитва, чтобы намъ поставить маленькую церковь внѣ пещеры“. И поставили они по благословенію Антонія церковь маленькую во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. Въ эту церковь собиралась братія изъ своихъ тѣсныхъ пещеръ для общей молитвы. Теперь уже совсѣмъ почти устроилась обитель: былъ у обители свой игумень, была своя церковь.

Но бѣдны были иноки, ничего они не имѣли. Имъ все доставалось съ большимъ трудомъ. Состроили они себѣ маленькую церковку и рады были, что хоть домъ-то для молитвы имѣютъ. Помощь княжеская и богатыхъ людей не спѣшила къ нимъ придти на помощь. Никто имъ сразу не соорилъ монастыря и не сказалъ: «живите тутъ спокойно и молитесь Богу». Нѣтъ, не было этого, какъ, напротивъ, это было въ другихъ монастыряхъ. Они жили въ пещерахъ, за что и прозвались пещерными или печерскими. Да и пищу они покупали на свои трудовыя деньги. Надѣлаютъ изъ шерсти одежды, клобуковъ и снесутъ въ городъ продавать свои издѣлія. И покупали ихъ издѣлія иноки другихъ монастырей, городскихъ: кому же больше нужны клобуки? Намъ отсюда становится понятнымъ, что въ другихъ монастыряхъ незачѣмъ было такъ много трудиться, какъ трудились Печерскіе подвижники. Продадутъ

они клобуки и на деньги, полученные за свой трудъ, купятъ себѣ хлѣба; только не молотаго, а зерномъ; не жальми они своихъ рукъ. Привезутъ зерно въ обитель и раздѣлятъ его между братією. Тогда всякій и долженъ смолоть свою часть; а молоди тогда не мельницами вѣтряными или водяными, а просто толкли въ ступкѣ. Придетъ ночь и каждый братъ истолчетъ свое зерно. Другой за день-то истомится отъ усталости и заснетъ, не смолотивши своей муки. Только были между ними очень добрые, очень усердные; увидятъ, что братъ заснулъ отъ нужды да отъ усталости, возьмутъ, да истолкутъ ему зерна и поставятъ муку возлѣ вѣли. Особенно самъ Θεодосій такъ постоянно дѣлалъ; онъ былъ крѣпокъ и силенъ и зналъ, что дневная работа въ Печерской обители чрезвычайно трудна и не для однихъ только слабыхъ. Чѣмъ свѣтъ встанутъ иноки отъ короткаго сна и молятся Богу, слушаютъ утреню; послѣ утрени каждый идетъ къ своей работѣ; кто рубить дрова въ лѣсу, кто копаютъ въ огородѣ, кто дѣлаетъ клобуки. Незамѣтно въ трудѣ время проходитъ до обѣдни. Кончится обѣдня, тогда нужно утолить голодъ, нужно подкрѣпить слабое тѣло. Только не окрѣпнешь и не поздоровѣешь отъ Печерской пищи. Хлѣбъ да вода подкрѣпляли тѣло тружениковъ. И развѣ въ субботу позволяли они себѣ сварить одно какое-нибудь кушанье. Такая-то была трудовая жизнь въ Печерской обители. И какъ же было не любить Печерскихъ подвижниковъ? такихъ добрыхъ да милостивыхъ, какимъ былъ Θεодосій.

Въ это время въ Кіевѣ князь Изяславъ построилъ монастырь св. Димитрія и взялъ онъ у Печерской обители ея игумена Варлаама и поставилъ его игуменомъ новаго монастыря; думалъ онъ, должно быть, что Варлаамъ сразу устроитъ въ новомъ монастырѣ такую же жизнь, какая по немногу устраивалась въ Печерской обители. Осиротѣли теперь Печерскіе отшельники; остались они безъ игумена. И пошли они къ своему покровителю преподобному Антонію. «Поставь намъ игумена», просили они его.—Кого хотите?—спросилъ онъ. «Кого хочетъ Богъ и ты», отвѣчали пришедшіе. Сказалъ тогда имъ Ан-

тоній: «Кто между вами послушливѣе, кротче, смириѣе Θεодосія, пусть тотъ и будетъ вамъ игуменомъ». Братія рады были, поклонились старцу и поставили надъ собой игуменомъ Θεодосія.

Въ это время въ обители было уже двадцать иноковъ. Но это число братіи стало по немногу увеличиваться. Пришлось тогда новому игумену подумать, какъ устроить братію. Не одинъ только онъ думалъ объ этомъ.

Узнало про Печерскихъ иноковъ и стало оказывать свою помощь имъ все русское общество; а общество это было тогда великодушно и сильно: во главѣ его стояли князья съ своею храброю дружиной, со своими боярами и управляли народомъ; а народъ тотъ былъ — купцы, земледѣльцы и духовные. Трудно было жить тогдашнему русскому человѣку. Войску земскому и дружинѣ княжеской много было дѣла. По границамъ русской земли, на югъ и на востокъ отъ Кіева, кочевали воинственные племена сначала печенѣговъ, а потомъ половцевъ, а на западѣ и сѣверѣ нужно было вести войну то съ поляками, то съ чудью, латышами и т. д.; а тамъ, глядишь, свои князья повздорили между собой и рѣшаютъ какой-нибудь споръ кровью своихъ подданныхъ. Мечъ тогда рѣдко оставался безъ дѣла. Земледѣлецъ пахалъ землю, заставлялъ ее и не всегда былъ увѣренъ, дождется ли онъ жатвы, получить ли онъ съ поля хлѣбъ: найдутъ изъ степей хищные кочевники и все прижгутъ, все притопчутъ. Купцамъ тоже не лучше было: везутъ товаръ и не знаютъ, будетъ ли онъ у нихъ цѣль, придется ли имъ увидеть выгоду съ товара. И любило тогдашнее общество забывать свои бѣды, свои невзгоды за чарой крѣпкаго меда. Нынче пируетъ, пьетъ крѣпкій медъ русскій человѣкъ, а на утро съ такой же готовностью несется съ мечомъ на враговъ, побиваетъ ихъ или слагаетъ свою буйную голову въ битвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что привычки войны входили въ мирную жизнь тогдашняго общества. Да и чѣмъ же было дѣйствовать противъ враговъ, противъ грубой силы какъ не той же самой силой, а была эта силушка не малая. Любила русскій человѣкъ показать эту силушку, удалъ молодецкую.